

ГЛАВА 1

Люди облепили бронированную махину словно муравьи — лезли на броню. Семен Михайлович Бабенко, механик-водитель командирского танка, выжал педаль тормоза, негромко предупредил в ТПУ:

— Короткая, — и беспомощно повернулся к командиру роты, лейтенанту Соколову. — Алексей Иванович, ну невозможно, раздавлю же кого-нибудь.

— Всем машинам приказ — стоп! — отреагировал ротный командир в ларингофон.

Его устройство связи работало на командной частоте, и приказ ротного тотчас же понесся, как лесной пожар, по всем машинам в колонне. Тридцатьчетверки с красными звездами на башнях замедлили свой ход по улицам освобожденного города, встали плавно в аккуратный маршевый ряд друг за другом. Тотчас черная живая

река из людей, жителей блокадного Ленинграда, хлынула на машины. Танкисты едва успели показаться из люков, как к ним потянулись сотни рук.

— Спасители, герои, вы нас спасли!

Неугомонные, тонкие, как ветки деревьев, мальчишки карабкались по броне, заглядывая внутрь танков Т-34, трогая грозное дуло почти трехметровой пушки. Женщины в обмотках прижимались мокрыми от слез лицами к промасленным ватным курткам бойцов, вдыхая смесь ароматов солярки, махорки, пороховых газов. Ведь где-то так же их отцы, сыновья, мужья шествуют по освобожденным от фашистов улицам города или маленького поселка. Уже больше 500 дней идет Великая Отечественная война с армией Гитлера. Летом после Курского котла наглое шествие фашистов по территории СССР остановлено, и, испуганные напором Красной армии, захватчики теперь неохотно отступают, заваливая мертвыми телами мирного населения каждый освобожденный от оккупации километр. Поэтому танкистов так встречали в Ленинграде, они несли надежду и уверенность, что страшные дни блокады закончились. Жители города провели в окружении врагов сотни

дней и ночей, один на один со страшным голодом, суровыми зимами и еженочными вражескими бомбардировками.

Наконец смертельная блокада, душившая город, снята, в город вошли советские войска!

Жители Ленинграда, больше похожие на призраков из-за своей худобы и болезненного вида, бросились на улицы, изуродованные немецкими бомбами. Каждому хотелось поблагодарить советских освободителей, прикоснуться к танку, к пехотинцу, чтобы убедиться, что это не сон. Они живы! Они свободны! Блокады больше нет.

А танкисты 3-й танковой роты 1-го батальона 1-й Краснознаменной танковой дивизии не чувствовали себя победителями, что торжественно идут в парадном шествии по городским площадям и улицам. Они с ужасом и горькой досадой на душе выворачивали каждый карман, обшаривали все потайные уголки в железных внутренностях танков, где осталось хоть немного провизии. Крупинки сахара, махорка, сухари — все разлеталось по рукам людей, что не видели настоящего хлеба десятки долгих месяцев, питались лебедой, столярным клеем, отрубями, которыми раньше в совхозах кормили животных. Дети, осунувшиеся, закутанные в грязные

перелатанные пальтишки, полушубки, в огромной не по размеру обуви, будто воробьи на ветке, громоздились со всех сторон на огромных гусеницах Т-34, на корме и бортах, командирской башне и откиннутом люке. Женщины, старики тянули к ним худые руки, еле слышными голосами бестелесных призраков кричали «Ура!».

Несколько часов танковой роте Соколова не давали проехать к опорному пункту, благодарили, целовали, прикасались, плакали от счастья. И у молодого командира не нашлось сил, чтобы остановить эту волну радости и признательности. После многодневных боев голова гудела от усталости, тело не слушалось, но он пожимал чьи-то руки, обнимал рыдающих от счастья женщин, пока на улицы не опустилась темнота и замерзшие жители не начали расходиться. Только после этого танкистам удалось добраться до всего батальона, который расположился среди хозяйственных построек бывшего химического завода. Сейчас цеха со слепыми, забитыми досками, окнами молчали, станки ждали своего часа в частично разваленных после бомбежек вытянутых помещениях. Лишь на единственном складе удалось подключить электричество, и там комбат Гордей Еременко собрал для короткого доклада танкистов.

— Танкисты, красноармейцы, товарищи! Я поздравляю вас с победой над врагом, очередной победой. Город взят, его жители теперь свободны, они смогут получить еду, помощь медиков. Но впереди еще сражения, товарищи, враг всего лишь отступил на десяток километров. Чтобы не дать ему прийти в себя, командование Красной армии готовит новое наступление по линии «Пантера». У нас очень короткий срок, чтобы восстановить технику, учесть потери и приготовиться к бою. Поэтому я разрешаю сейчас до шести утра отдыхать, но только боевому составу. Начхоз, вспомогательные службы — вам приказ за ночь подготовить матчасть. Ремонтная бригада начала работу на территории завода, в соседнем здании госпиталь развернул прием для больных и пострадавших. Ротным командирам доложить о потерях личного состава, состоянии машин. Раненых — к врачам, сломанную технику — срочно на починку. Боевую готовность необходимо восстановить как можно быстрее. Гитлер ждать не будет, когда мы отоспимся. Так что выполнять приказ!

Гордей Иванович и сам понимал, что бойцы измучены, несколько дней с короткими перерывами на отдых и сон они отвоевывали ки-

лометр за километром у немцев плацдарм. Им сейчас бы пару дней передышки. Выспаться, укомплектовать танковые отделения до полного штата, а то в каждой машине то заряжающего не хватает, то башнера. Только передышки не будет, не дает вермахт расслабиться, даже несмотря на успешное наступление Красной армии. Силы вермахта сделали шаг в сторону Польши, уступили несколько километров воинским соединениям Советского Союза, поэтому теперь нужно будет с удвоенной силой отчаянно использовать любую возможность, вернуть утерянные плацдармы назад. Разгромленные германские генералы ищут шанс, чтобы доказать своему фюреру превосходство над советскими воинами. По данным советской разведки штаб начал подготовительный этап операции «Бадуа», собрав в составе оперативной наступательной группировки «Шевалери» 20-ю моторизованную дивизию с полком 205-й пехотной дивизии, 21 танком и 11 штурмовыми орудиями. К месту расположения группировки сейчас, как донесло воздушное наблюдение, передислоцировались вдоль линии фронта дополнительные германские силы: 291-я пехотная дивизия с нескольки-

ми батальонами 331-й пехотной дивизии, 22 танками и 10 штурмовыми орудиями.

Потому отдыха у советских танкистов не будет, несмотря на то что освобожденный Ленинград и вся страна бурлят от радостной новости — блокада снята. Задержаться в освобожденном городе не получится, приказ командования однозначный: 12 часов на подготовку к новой атаке, ибо немцы готовят контрнаступление с целью деблокировать советский гарнизон, что теперь расположился в черте города.

Новый ротный, лейтенант Соколов, уже с ожиданием поглядывал на комбата неподалеку от суетившихся своих бойцов. Те осматривали танки в поисках повреждений, заводили двигатели, вслушиваясь в рычание моторов, двигали рычаги, проверяя плавность хода. Часть уже ушла на поиски топлива для костров, с десятков ребят покрепче забрал старшина, заведовавший тыловым обеспечением. Полевая кухня прибудет только утром, поэтому приходилось обходиться сухпайком и своими силами. Возле цехов фыркала цистерна с соляжкой, через щели между досок в соседнем цехе доносился треск и запах сварки. Жизнь батальона кипела после

боя, не останавливаясь ни на минуту, что были такими драгоценными рядом с линией фронта.

Еременко кивнул — давай, лейтенант, докладывай.

— Товарищ командир, из двух рот на ходу пятнадцать машин, у остальных повреждения броневых листов, две единицы с заклинившей Ф-34.

— К ремонтникам. Утром снова доложишь, что там у них получилось починить. Штат у тебя сколько, пересчитал народ?

— Да, три человека в госпитале, но они на перевязку и снова на службу, — сообщил Алексей.

Не по годам серьезный, он обдумывал, как же обсудить с комбатом острую нехватку кадров так, чтобы это не выглядело жалобой неопытного командира. Ведь при всей сдержанности и скромности Соколов привык всегда принимать решения, даже если к его кругу обязанностей это не имело отношения. На любые вопросы лейтенант искал решение самостоятельно, предлагая командованию уже готовый план. Комбату и без него хватает проблем, что надо решить. Покормить, одеть и снарядить больше пятисот человек личного состава, заправить пятьдесят с лишним бронированных машин, доложить в командный

пункт о боеготовности и наметить маршрут для марша к месту следующего боя.

— Гордей Иванович, у меня в каждом отделении по два человека кое-как набирается.

— У тебя ведь сейчас пять взводов слеplено из штата двух рот, Соколов? Ты за двух ротных у меня командуешь?

— Так точно, товарищ майор.

Комбат вдруг без сил опустился на кирпичную кучу, стянул фуражку и потер ежик на голове рукой. Что же делать ему с двумя неукomплектованными ротами? Соединить в одну — останутся незадействованные тридцатьчетверки, оставить как есть — в бою мехвод и башнер не справятся со сложной техникой. Чтобы заряжать, наводить прицел и маневрировать танком Т-34, необходимы три человека, а по штату так и вовсе положен еще и четвертый член экипажа — стрелок-радист, что управляется с массивной радиостанцией. Алексей попытался во второй раз начать разговор:

— Товарищ комбат, у меня есть переложение, может, запросить перевод хотя бы человек десяти в наш батальон? Может быть, есть добровольцы из местных жителей. Поставим в заряжающие. Понятно, что заменить мехвода или

наводчика они не смогут, но снаряды подавать научим.

— Ох, Соколов, вечно ты со своими идеями. Ты людей в городе видел? Там же скелеты живые, а тебе десять парней подавай в заряжающие. Они еле ноги передвигают, как они тебе девять кило подкалиберного поднимут, сам-то подумал? — устало покачал головой Еременко, но тут же, соглашаясь, махнул рукой. — Запрошу штаб, может, подкрепление уже прибыло. Давай, Соколов, утром подойди. Сейчас бы с теми разобраться, кто есть.

Алексей отошел в сторону, смущенный полуотказом, ведь прав где-то комбат. В разрушенном городе люди за сотни дней блокады превратились в призраки, истощали до прозрачности, откуда им взять силы для участия в танковом бою. Только подумать, как по-другому решить дефицит кадров, ему снова не дали. Мехвод Бабенко из командирского экипажа спешил на встречу командиру:

— Алексей Иванович, разрешите танки на ремонт сопровождать? Я присмотрю, чтобы все правильно сделали, там сварной шов надо класть спиралью, чтобы сопротивляемость бронелиста не потерять.

Всю досаду как рукой сняло — с такими бойцами он любую задачу решит. Перемазанный машинным маслом, с разводами на лице, растрепанный, измученный боями Бабенко сиял и от нетерпения, казалось, приплясывал. Инженер-испытатель Харьковского танкового завода, он всю жизнь отдал моделированию и улучшению Т-34, поэтому внутренности, болячки и слабые места легендарного танка знал наизусть. Пестовал каждую тридцатьчетверку словно ребенка. Вот и сейчас он, забыв об усталости, был готов бежать в ремонтный цех, чтобы вместе с техниками заботливо лечить разбитые катки, слетевшие пальцы, оплавленную проводку и пробоины. За спиной его маячил с ящиком инструментов в руках заряжающий Коля Бочкин, 20-летний ефрейтор, который последний месяц хвостом ходил за мехводом, твердо решив выучиться у него ювелирному управлению бронированной машиной.

— Товарищ командир, а можно с дядь Семой к рембригаде? То есть с сержантом Бабенко? Мы нашего Зверобоя уже залили до самого верха, и маскировка установлена, как по уставу положено, — на круглом лице застыло просительное выражение.

— Идите, — махнул Алексей и спросил у Бабенко: — У вас не осталось табачку, Семен Михайлович?

— Нет, — развел руками пожилой мужчина. — Подчистую выгроб все, себе только на одну самокрутку оставил.

Алексей тяжело кивнул, от голода и усталости кружилась голова, он чувствовал, как ноги в сапогах почти его не слушаются, при каждом шаге он спотыкается об обломки кирпичей и деревяшек от разрушенных стен зданий. В голове он механически прокручивал список необходимых дел: «На ремонт машины отправил, пункт питания в процессе организации, раненых к восьми утра... Доклад комбату...» Он потер слипающиеся глаза, хотя бы 15 минут полежать, закрыть зудящие от недосыпа веки. Словно из тумана донесся голос старшины Василия Логунова, который командовал взводом в его роте, а еще был башнером в командирском танке:

— Алексей Иванович, идите в танк, передохните пару часов. Я за хозяйством присмотрю, растолкаю при необходимости.

Сил у ротного командира хватило только кивнуть. На ватных ногах он взобрался по лобовой броне наверх, хватаясь за ствол, нырнул

в темноту люка. Только расслабил тело, опускаясь на сиденье, как подскочил от сдавленного крика, раздавшегося в темноте, и ощущения чего-то мягкого под боком. Под ладонью скользнули волосы и что-то похожее на птичью лапу.

— Это кто здесь? — лейтенант шелкнул динамо-фонарем и прищурился от рези в глазах.

Перед ним замер ребенок лет шести. На крошечном личике светились испуганные огромные глаза, маленькие, будто игрушечные, ладошки цепко держали рукав танкистского комбинезона:

— Товарищ лейтенант, не ругайте. Это я тут, Сашка.

Как только страх отступил, Алексей понял, что сил даже прогнать мальчика из танка у него нет. Да что там, и фонарь выключить не дает свинцовая усталость во всем теле, хотя мозг не отключался, продолжая работать. Рука с фонариком упала вниз бессильно, двигались по инерции лишь губы:

— Ты что здесь делаешь? — сквозь полудрему пробормотал танкист.

Мальчишка охотно поделился:

— Я про танки хотел узнать все-все! Когда вырасту, танкистом стану, надо сейчас учить-

ся. Поэтому сюда залез, чтобы все посмотреть поближе. Расскажите? Я все знаю модели, КВ, Т-34, БТ!

Казалось, язык у лейтенанта жил отдельно, мысли в голове выстраивались цепочками, плыли будто колонна танков по ровной дороге:

— «Бетушка», я на такой воевал, мы его «рысаком» звали. Шустрый, легкий, броня тонковата, да и калибр слабенький, приходилось совсем близко ему к немцам подкрадываться, чтобы пробить броню среднему немецкому танку. Зато гусеницы если снять, так катится быстрее любого грузовика.

— Как лошадь, — залился над ухом тонкий колокольчик.

Невесомое тельце завозилось, прижалось к боку в поисках тепла. Алексей поднял мальчишку в полусне и сунул, будто щенка, под полу ватной куртки. Тот уместился, поджав острые коленки, уткнувшись ледяными губами прямо в ухо, только теплое дыхание шевелит волосы, не давая провалиться в глубокий сон.

— А на КВ ты ездил?

— Да, этот богатырь настоящий — бронелист семьдесят пять миллиметров. В начале войны фрицы броню пробить у него не могли, считай,

неуязвимый был. Хоть и медленный, пятьдесят две тонны веса, это не шутки, снаровку надо, чтобы развернуть такую махину и на позицию поставить.

— Мне дашь порулить и пушку навести?

— Для этого силы надо хорошие, у тебя теперь задача будет силу наесть, а потом уже на место мехвода можно пробовать садиться. Рычаги тугие, и взрослому трудно управляться.

Соколова вдруг словно кипятком окатило, он поднял голову, спросил у комка под отворотом куртки:

— А ты сегодня ел?

— Сахар сосал, вот дядька такой огромный, как великан, дал. Я немножко, уголок, а остальное в карман сложил, — прошептал мальчишка.

Он тоже забылся в рваной дремоте, то ли от голода, то ли от непривычного тепла под боком у танкиста. Сашка сонно сунул руку в карман проверить свое сокровище, тут же в ужасе вскочил, мгновенно проснувшись. Сахар от влаги и снега в кармане растаял, так что застыл твердой коркой на ткани. От ужаса ребенок рыдался в голос, он принялся лихорадочно выворачивать карман, захлебываясь в крике из-за исчезнувшего сладкого куска. Остатки сна сле-

тели с командира, как обрывки тумана от ветра, наверху уже гремели чьи-то тяжелые шаги. Грохнул люк, показалось лицо Логунова:

— Товарищ командир, что за звуки у вас? Кто пищит?

— Да вот тут забрался в танк мальчишка, плачет оттого, что сахар по карману размазал.

— Ох ты ж, и мы все раздали, даже сухарей не осталось. Там каша готова у нас, я вас будить пришел, чтобы позвать поужинать. Или даже не знаю, как назвать, за полночь так-то давно. Ну-ка, давай со мной, малец, — огромная рука широкоплечего Василия подцепила мальчишку, будто котенка, за шкурку и вытащила наружу.

В лунном свете Василий присмотрелся к найденышу: почти воздушный, будто состоящий из грязных оборванных тряпок, посредине которых огромные глаза, да маленькие ладошки. И счастливая улыбка со щербинами зубов. Мальчишка прямо в воздухе извернулся и коснулся медали на широкой груди танкиста:

— Ух ты, медаль! За боевые заслуги, это что, вам за фрицев вручили? Сколько вы танков подбили? А офицера взяли в плен? Вы прямо из пушки по ним лупили?

— Эта награда еще с Финской войны, — нахмурился Василий Иванович.

Опытный командир танкового отделения, а теперь и командир взвода принимал участие еще в Финской кампании и там получил награду. Только сейчас говорить ему о войне не хотелось, и не мальчишеская россыпь вопросов мужчине так огорчила. Он взвешивал худое тельце на широкой ладони, а волосы шевелились у него на голове от мысли, что если снять все тряпье, что намотано на ребенка, то там останется один скелетик, обтянутый кожей. В чем лишь душа держится у этого воробышка, задорного и говорливого? Мужчина осторожно прижал мальчишку к груди в страхе неаккуратным движением сломать ему что-нибудь:

— Кашу пробовал солдатскую?

— Не-а, — мальчишка крутил головой на тонкой шее, пытаясь усмотреть все сразу: и танк, и награды, и лицо усатого высокого танкиста.

— Сейчас угостишься, такая каша, ух. С консервой, на костре! — от голода старшина даже причмокнул, ели они последний раз сутки назад.

Наконец выдался перерыв, поэтому на костре в импровизированном большом котле из ведра танкисты приготовили кашу из привезен-

ного сухого пайка: крупы да мясных консервов. Возле костра старшина осторожно спустил ребенка с рук поближе к своему котелку:

— Расступись, ребяташки, главный едок идет! — он протянул ложку мальчишке и поднял повыше к лицу котелок с ароматным варевом. — Налетай, воробей, клюй, не стесняйся!

Сашка жадно зачерпнул ложку, втянул горячую рассыпчатую крупу с мясными прожилками и вдруг, застонав, отвернулся, выпустил ложку, зажал глаза, нос, рот грязными ладошками.

— Ты чего, горячее? Так дуть надо, давай-ка подую тебе, — растерялся старшина.

Своих детей у него не было, так как уже в позднем возрасте после войны он наконец нашел свою суженую — вдовую Любу Бочкину. С ее сыном и воевал Василий теперь в одном танке. Хоть и стал ему упрямый Колька практически родным сыном, но ведь уже взрослый парень, с ним и общался он как на равных. А здесь, с маленьким ребенком, всегда уверенный и надежный Логунов растерялся, чем так напугал или обидел мальчика, что тот сжался в напряженный комоч. Он подул на ложку и подsunул остуженную кашу к губам мальчишки:

— Обдул я, не боись, жуй!

В ответ тот упрямо мотал головой и уворачивался от еды.

— Да ты чего, испужался? — большая ладонь легла на тонкие волосики.

Мальчик поднял на великана в черном комбинезоне огромные глаза в слезах, прошептал еле слышно:

— Нельзя больше ложки, заворот кишок случится — и помрешь. Мне Сан Саныч велел не больше ложки за раз жевать. Очень кушать хочется, — мальчишка разрыдался, так его мучил голод, но страх смерти был сильнее.

Логунов почесал в затылке и предложил:

— Вот что, ты давай еще ложку съешь, только медленно, как целую тарелку будто лопаешь. А я тебе с собой еще каши дам, будешь ее по ложке, как лекарство, принимать несколько дней, чтобы брюхо заработало. Далеко ты живешь отсюда? Мамка тебя, поди, обыскалась, пострел ты эдакий.

Тот его не слышал, уже вытянул язык, слизнул пару зернышек крупы и закатил глаза, расплываясь от удовольствия в улыбке. От теплой еды глаза у мальчика заблестели еще сильнее, а на тонком носике выступил пот.

— Вот так, правильно, — подбадривал его Василий Иванович.

Сам он попытался проглотить пару ложек каши, но еда вставала поперек горла при виде этого исхудавшего до полного изнеможения мальчишки. Обычного — шевутного и любопытного, с живым умом, — которого блокада армии безумного фюрера превратила в умирающий скелет, мучая, терзая крошечного человечка голодом и ужасами войны. Внутри клокотала такая ярость и боль, что Василий Иванович бросил второму взводному:

— На час отойду, — подхватив котелок с остатками каши и клюющего носом Сашку на руки, он пружинисто зашагал по улицам города. Потормошил засыпающего на ходу мальчика:

— В какую сторону идти? Я тебя домой отведу, слышишь? Дорогу помнишь?

Тот сонно пробормотал:

— Заусадебная улица, сейчас через два дома поворот к дворам, потом по улице до библиотеки.

— Мать тебя потеряла, небось ищет бегаёт, — засокрушался снова Василий Иванович, представив на месте матери мальчика свою Любашку, как она тревожилась бы из-за постреленка.

Даже взрослого сына, упрямого Кольку, который был против их брака, она боялась огорчить, поэтому и отношения свои Василий с Любой не успели зарегистрировать официально, как это положено, расписаться в сельсовете. Николай до войны никак материного ухажера не принимал, злился. Только лишь оказавшись в одном танке, понял, как умеет любить и заботиться дядя Вася, тогда-то парень принял его всем сердцем и теперь считал родным отцом.

Сашка вяло качнул головой:

— Нет мамы.

— А с кем же ты живешь? — сердце в груди сжалось от очередного болезненного укола.

— С Александром Александровичем, — губы у мальчишки еле двигались от сытости и навалившейся усталости.

— Это кто, дедушка твой?

— Не знаю, — чуть дернулось плечико. — Просто человек. Профессор. Он читать меня научил, книжки про танки не сжег, оставил. Я все про них прочитал. Танкистом стану и его покатаю.

Василий Иванович застыл среди черных руин, крутя головой, куда дальше. После бомбежки вся улица превратилась в сплошные разва-

лины. Изуродованные остовы домов торчали по обе стороны улицы, будто раскрошенные зубы во рту. На одном из фасадов, рядом с чудом сохранившейся дверью и окном, висела табличка: «Детская центральная библиотека».

— В какую сторону после библиотеки? — он провел пальцами по голове ребенка, чтобы его разбудить.

Сашка медленно захлопал ресницами и ткнул пальцем прямо в табличку:

— Вот же, пришли.

Вдруг под ноги Логунову бросилось что-то темное, размером с крупную собаку. Он споткнулся и чуть не уронил свой драгоценный груз. Снизу внезапно раздался дребезжащий голос:

— Простите великодушно, что потревожил. Вы не видели мальчика здесь, лет шести, Александр зовут?

— Вот мальчик, при мне, — пробасил Василий, вглядываясь в темноту, но рассмотреть в густой черноте ничего не получалось.

Лишь тихий старческий голос служил ориентиром. Старик радостно воскликнул и зашуршал по двери.

— Куда нести, говорите, спит малец, умаялся.

Голос повел танкиста с мирно спящим ребенком на плече вперед по коридору за дверь библиотеки:

— Идите за мной, сейчас! У нас тут есть невероятная роскошь — матрас. А я оббегал весь район, если так, конечно, можно сказать. Пропал Александр, я думал все, неужели дожил до освобождения Ленинграда и погиб на пороге победы? Ведь сегодня ночью был салют, выжил мой мальчишечка, дотянул до прихода Красной армии. И вдруг пропал. Ох, спасибо вам, что нашли его, он мне ведь дороже всего на свете.

Человек в самом низу говорил и уверенно двигался по темному пространству, а Логунов топтался на одном месте, не понимая, куда ему положить мальчика. Его собеседник вдруг воскликнул:

— Ах, вы же ничего не видите, вот я старый дурак, привык к вечной темноте и забываю, что другие этот мир без света не видят. Сейчас, сейчас, исправлюсь.

Затеппился огонек, вытянулся вверх, и старая керосиновая лампа осветила пространство вокруг. В комнатке, заваленной сотнями книг, Логунову улыбался старик. На прорезанном глубокими морщинами лице светилась счастливая улыбка,

вместо глаз на него смотрели две стянутые в рубцах от ожогов пустые глазницы. От колен у старика не было ног, поэтому его голос раздавался снизу. Он ловко взбил соломенный тюфяк и хлопал ладонью без пальцев по грязной ткани:

— Укладывайте ребенка сюда, это наше ложе, стол, кресло для работы, место для обучения. Александр хоть и не усидчивый ученик, но уже программу третьего класса осваивает. А читает как! Запоем! Все про технику, про танки, строение машин. Будущий инженер!

— А вы дедушка его? — не удержался от любопытства Василий.

— Можно и так сказать, — рассмеялся Александр Александрович. — Война нас сделала семьей. Вообще, мои все родственники погибли, внуки и жена при бомбежке дома остались под завалами. Снаряд германский угодил прямоком в комнату, где мы все спали. Вот выжил только я, безногий, безглазый, можно сказать, и безрукий. После больницы так жить мне не хотелось, что судьба мне послала Сашку. Дала смысл для жизни. Это уж я так молодого человека сам назвал. Я Александр, и он Александр. Не знаю, кто его родители, откуда он, имени настоящего тоже не знаю. Да и мальчик мой не помнит та-

ких подробностей, я его нашел среди обломков сгоревшего дома, скулил там, как щенок. Теперь он придает смысл моей жизни, я о нем забочусь. Хочу вырастить человеком, ученым, может быть, или инженером. У мальчика чудесный живой ум! Нам так повезло найти себе приют в библиотеке, книги спасаем от мародеров, чтобы не пустили на растопку или продажу. Заодно Александр улаживает мне слух чтением, — старик вдруг спохватился, что болтает без умолку, и снова хлопал рукой по матрасику. — Присаживайтесь. Простите, что заговорил вас, совсем одичали за время блокады. Выживать тяжело, забываешь о простых человеческих радостях, таких как гостеприимство, беседа с приятным человеком.

Он подполз поближе к гостю и втянул воздух:

— Ох, какая смесь ароматов! Табак, костер, порох, запах воина. Простите, угостить нечем совсем. Возьмите книгу, любую, что вам понравится! В подарок! Не знаю даже, как вас отблагодарить, вы спасли город, его жителей, меня, Александра! Ах, как мне хочется вам подарить все, что имею, в ответ! Но, увы, матрас, книги и сирота — вот и все богатство.

Василий откашлялся, смущенный таким радужным приемом, и пробормотал:

— Мне бы посудину. Я тут... Сашке кашу принес. Солдатскую. Куда можно переложить?

— Сейчас, сейчас найдем место для гостинца, — засуетился старик. Извлек из-под груды книг старенькую алюминиевую миску и протянул в пустоту перед собой.

Пока Василий Иванович вытряхивал остывшую еду в емкость, старик перебирал гору томиков:

— Что предпочитаете, стихи или прозу? Вот, очень рекомендую, классический сборник Пушкина, еще есть Белинский, Горький. Может быть, поэзию девятнадцатого века?

— Да я до чтения не охоч, — виновато отозвался танкист.

— Я знаю, знаю, что вам понравится! — вдруг просиял слепец и нашарил в сваленной куче темный томик с золотым тиснением букв. — Вот, сонеты Уильяма Шекспира в переводе нашего славного поэта Самуила Маршака. Это классика, которая многие века трогает человеческие сердца. О любви, о смерти, о вечном и живом!

— Спасибо, — еле выдавил от конфуза старшина и сунул томик за пазуху. — Я пойду, у нас построение через несколько часов.

— Конечно, конечно, — с лица старика не сходила счастливая улыбка. — Как же приятно было с вами пообщаться, — он протянул руку и крепко тряхнул широкую ладонь Логунова. — Ах, если бы можно было выразить всю благодарность, всю теплоту для вас, наших спасителей. Жизни не хватит для этого!

— До свидания, берегите Сашку, башковитый он у вас, — на прощанье проговорил окончательно смущенный восхищением старика Василий и заспешил к выходу.

Он шагал по темным улицам, с удивлением прикасался к книге, что лежала за пазухой. Она казалась ему теплой, словно живой, хранящей тепло двух людей, которые так были счастливы от появления в городе советских танкистов. В пустом холодном городе за сотни дней наедине со смертью они сохранили себя, свои души и умение радоваться жизни. Хранили огонек надежды даже в самой темной комнате без света. Василий Иванович мерил шагами широкие дороги, так непохожие на его родное село под Омском в Сибири, и улыбался внутренним мыслям, оглядывая разрушенные здания, завалы из обломков и мусора, обледенелые тротуары, землю, изрытую воронками от снарядов. «Ничего, от-

строимся! Прогоним фрицев и возьмемся за инструмент! Руки чешутся, как хочется поработать лопатой или топориком, чтобы стружки летели во все стороны. Дома росли как грибы, чистые, пахнущие свежей краской и новой жизнью».

Вдруг его мечты о мирном времени прервала канонада. Совсем далеко, неопасная и от этого вдвойне страшная. Будто зверь высунул голову и выплюнул огненный запал в небо — не забывай обо мне в своих мечтаниях, я все еще здесь, наш бой не закончен, и твоя жизнь по-прежнему в опасности. В отдалении заметались в небе всполохи, горизонт заволочло черным дымом, и заголосил знакомый вой пикирующих немецких юнкерсов, которые, как огромные чайки, принялись разрывать воздух резким звуком перед тем, как сбросить на землю свой смертоносный груз. Все мечты мгновенно растаяли при этом жутком реве, от которого продирало холодом по спине, несмотря на теплую одежду, состоящую из белья, гимнастерки, комбинезона и ватника. Василий Иванович остановился, выругался от души и погрозил кулаком туда, где за линией фронта еще грохотала война, неоконченная, жестокая, кровопролитная.

— Устроим вам, фрицы поганые, разнесем к чертовой матери по кусочкам армию вашу. И Гитлера, подлюку, на кол посадим!

Потом зашагал дальше еще решительнее, позабыв об усталости и голоде. Теперь за его спиной, помимо всех родных и знакомых в тылу, убитых сослуживцев, боевых товарищей, ждали победы над фашистами еще и маленький мальчик со слепым стариком, жившие в подвале разбитой библиотеки.

ГЛАВА 2

В 8 утра отоспавшийся и посвежевший Соколов сидел в красном уголке завода вместе с остальными офицерами, командирами рот и батальонов, которых собрал комдив Котов, чтобы лично обрисовать текущую позицию РККА:

— Начнем, товарищи, — коротко обрিতая голова комдива блестела от яркого солнца, проникавшего во все щели между досками, которыми было заколочено окно. — Красная армия продолжает вести наступательные бои в прежних направлениях. Итак, на данный момент наши войска после решительных атак овладели следующими населенными пунктами...

Алексей внимательно слушал, следил глазами за указкой, которая двигалась по карте от флажка к флажку, обозначая, куда сдвинулась линия фронта. И параллельно никак не мог остановить поток мыслей о скудном штате танкистов, где на одну машину у него приходилось вместо четырех лишь два члена экипажа. Эх, где же взять ему еще с десятков танкистов? Первые модели, выпущенные в Великобритании, вообще управлялись штатом из 6–8 человек, и Т-34 тоже предполагал своей конструкцией четырех членов танкового отделения. Мехвод и радист в передней части корпуса в отделении управления, в боевом — наводчик и заряжающий. Даже пускай без радиста по три человека в машине, но тогда останется незадействованным пулемет ДТ в шаровой установке. А ведь с его помощью радист-пулеметчик уничтожает живую силу противника, когда на первой линии вражеских окопов уже нет смысла в ведении огня из танкового орудия.

И одновременно он улавливал речь генерала, огорчаясь про себя, что до сих пор силы Гитлера и его армий велики, они никак не желают уходить из России, выстраивая все новые варианты обороны.

— Вермахт совместно с союзниками сооружает активно оборонительную линию «Пантера». По данным разведки, командование армии противника стягивает силы для создания линии из более чем десяти тысяч полевых укреплений, которые помогут удерживать оборону. К укреплениям планируется добавить проволочные заграждения, противотанковые рвы, минирование больших территорий. Прилегающие районы будут затоплены, мирное население выселено в концлагеря или уничтожено на месте. Позиция «Пантера»-«Вотан» состоит из двух частей, укрепрайон от Азовского моря по Днепру и вторая часть — это наши с вами позиции, товарищи. От Идрицы, по реке Великой, через Чудское, Псковское озера к реке Нарве, то есть в ста пятидесяти километрах от нас, группа армий «Север» роет землю, сооружает доты и дзоты, готовясь к новой серии контратак. Пока идет подготовка, наша задача — не дать немцам провести подготовку, перекрыть им пути подвоза строительных материалов и техники.

Вдруг речь комдива прервал ординарец, подсунувший ему лист срочной депеши прямо под руку. Генерал на секунду нахмурился, вчитываясь в строчки, и резким взмахом руки остановил совещание:

— Перерыв пять минут, товарищи офицеры. Командиров батальонов прошу остаться.

Зашумели голоса, сдвинулись самодельные скамейки из влажных неоструганных досок. Полевые командиры пошли на улицу — вдохнуть свежего воздуха, скрутить козью ножку. Некурящий лейтенант, непривычный к новому окружению, скромно встал в предбаннике, разглядывая чудом уцелевшие фотографии на стенах красного уголка. Желтые от времени фотокарточки напомнили ему родной Куйбышев и мирные вечера с бабушкой, которая пела в самодеятельном хоре.

Вечерами Алешка ждал бабулю с репетиции под окнами местного клуба, то рисуя палочкой в придорожной пыли карты сокровищ из книг, то мастера себе из стеклышек и листа бумаги хитроумное сооружение, которое позволяло расцвечивать сугробы в разные цвета. Он также отчетливо помнил тот день, когда голосистых певиц приехал снимать городской фотограф с тяжеленным аппаратом на трех ногах. Весь процесс тогда Алешка наблюдал с любопытством от и до. Как замирали с улыбкой в полукольце певицы в самошитых сарафанах, как торопливо поправляли свои наряды, подкрашивали губы

перед вторым снимком. После этого он каждую репетицию еще полгода рассматривал готовые фотографии, что развесили по стенам клуба. Всмотривался во все мелкие черточки и детали с восхищением, замороженные фотографиями, на которых застыли мгновения жизни.

Вот и сейчас он будто окунулся в чужую мирную жизнь, что шла неторопливо в одном из районов Ленинграда. На одном снимке пионеры с цветами в руках замерли у флага, у барабанщика смешно развязался шнурок, а горнист надул щеки, как шар. Здесь гимнасты в трико стоят в пирамиде, вытянув поджарые тела. На третьей фотокарточке девочка, вся в кудряшках и воланах на праздничном платье, вытянула руки со сцены заводского клуба, читая стихи или проникновенный монолог. Он сразу же вспомнил, как сам читал со сцены куйбышевского Дома культуры стихи. О чем они были, он сейчас не помнил, в памяти осталось лишь ощущение волнения и чувство ватной слабости в коленях, которые вдруг затихли при виде улыбающейся бабушки в первом ряду, когда он вышел на сцену.

— Соколов! — окрик комбата вырвал его из воспоминаний.

Алексей поправил пилотку, ремень на ходу, подошел и по-уставному отрапортовал:

— Лейтенант Соколов по вашему приказанию прибыл!

Он уже знал, что майор Еременко чтит воинский устав и дисциплину больше всего, считая их основой взаимодействия внутри армии. Он был с ним согласен отчасти, без жесткой дисциплины командовать тысячами людей, у каждого из которых свой характер, свои желания, невозможно. Только и регулярно нарушать устав или приказ вышестоящего командования Алексею приходилось, не всегда сражение идет, как запланировано в огневых карточках. Правила не могут вобрать в себя многообразную непредсказуемую жизнь на фронте.

Соколов прошел назад в комнату, где командир дивизии продолжал хмуриться, сидя над листом донесения. Генерал Котов окинул высокую худощавую фигуру танкиста, скользнул взглядом по кубикам на петлицах. Молодой, совсем мальчишка, если бы не тяжелая складка на переносице и внимательный собранный взгляд, то решил бы, что обычный ефрейтор или старшина, недавно еще учившийся в танковой школе. Хотя комбат и политрук в один голос

настаивали — Соколову, и только ему, можно поручить столь сложную задачу. Генерал подвинул бумагу старшему лейтенанту, да тут же сам пояснил ее содержание:

— В районе населенного пункта Ивановское немцы внезапно атаковали и прорвали линию обороны наших войск. Они не только уничтожили советские позиции... — Генерал помолчал, как же трудно всегда произносить такие слова. Признавать поражение. Ведь за официальными формулировками кроются живые люди, потерянная техника, сотни раненых и убитых. — У твоих ребят будет специальная боевая задача — ликвидировать прорыв. Командир твой говорит, что ты отличный стратег.

— Только, товарищ генерал, не со всеми подчиненными экипажами. У меня тогда от батальона останется два с половиной танка, — заерзал Еременко рядом. — Лейтенант Соколов сейчас обязанности второго раненого взводного исполняет, у него в подчинении два десятка тридцатьчетверок.

— Хорошо, майор, я тебя понял. — Котов рубанул в воздухе ладонью. — Вот что, лейтенант, прорыв этот ты один не ликвидируешь, тут общее наступление нужно по всем правилам.

Разведка, потом планирование, атака с воздуха, саперы и уже на втором этапе после подготовки танки. У тебя задача локальнее, но и сложнее. Надо прорваться через немцев, они в Ивановском роту стрелков взяли в окружение, а там кадры ценные — снайперы. Поэтому задача такая: подобраться через позиции противника к месту дислокации наших войск, укрепить позицию и держать оборону до тех пор, пока мы с тыла не подтянем еще силы для подавления атаки. Поэтому взвода из трех танков тебе хватит, действовать будешь малыми силами. Отберешь отряд на свое усмотрение, остальные в батальоне Еременко остаются. Приказ ясен, лейтенант Соколов?

— Так точно, — сухо ответил Алексей, хотя в голове сразу закружился вихрь вопросов.

Карту надо срочно, чтобы хотя бы понимать, как им прорываться через немецкие заграждения — с боем или можно на трех машинах ночью пройти лесами до населенного пункта.

Котов кивнул в ответ:

— Выполняйте приказ, по прибытии в Ивановское лично мне доложить. У тебя сутки на выполнение задачи.

Промолчал комдив, хоть и хотелось рассказать этому серьезному парню все без утайки, по-

делиться скрытыми мыслями, что не уверен он в том, будет ли кто жив из роты стрелков, когда придут танки. Неизвестно, что произошло рядом с крупным селом. Информация крайне скудная, что успел передать радист стрелков, и вот уже три часа, как не выходит на связь. Только сейчас отправили разведку, потом будет подготовка наступления. Только для планирования операции требуется время. Этой паузы может быть для вермахта достаточно, чтобы преодолеть сопротивление пехотинцев и уничтожить ополченцев. Снайперская рота даже добраться не успела до командного пункта, как попала в самое пекло боев.

Старший лейтенант в это время уже пристроился прямо на сломанной скамейке, что окружили летнюю площадку, где раньше Дом культуры проводил для жителей района концерты на открытом воздухе. Достал и расстелил на коленях топографические карты местности из кожаного офицерского планшета, прокладывая мысленно маршрут до Ивановского.

Небольшое село стояло отдельно на краю крупного района, но почему немцы выбрали его в качестве своей цели, сразу стало понятно молодому танкисту. С одной стороны населенный

пункт был окружен хвойной лесополосой с небольшими высотами — пересеченная местность, изрезанная скалистыми холмами из камня твердых пород и проломами между ними. Вот с правого фланга населенный пункт огибала широкая магистраль, прорезанная сетью мостов через реку, будто две ткани сшили стежками. На той стороне уже пролегла линия фронта, нейтральная полоса рядом с территорией боевых действий. От моста и магистрали до немецких соединений пара километров. Поэтому, заполучив позицию на магистрали, немцы могли переправить технику и личный состав без боя на другой берег, рассредоточиться по широкой дороге в любую сторону, засесть в лесу и вести оборонительные бои со скрытых за деревьями позиций. При этом они перекрывали важную дорожную артерию, по которой советские войска эшелонировались перед атакой на новую немецкую линию обороны на том берегу. Водная преграда сама по себе — труднопреодолимое препятствие, нужно пространство для маневров, а если занять кусочек дороги, то по ней, как по руслу реки, потекут во все стороны обратно немецкие силы. Важность территории и коммуникаций видна сразу, теперь Соколов думал, как же подобраться к се-

лу. Со стороны леса проще на первый взгляд, хотя без предварительной разведки танки могут натолкнуться на труднопроходимый овражек или завалы из бурелома, невидимые под слоем снега, в которых они оставят гусеницы, не сумев выполнить боевую задачу. Да и объездной путь получается в два раза длиннее, идет через все села и деревушки к восточному въезду в Ивановское. Только ночь уйдет на то, чтобы проложить обходной маршрут.

По дороге безопаснее и проще добраться до границы села, где потом начинаются такие трудности, что не сравнить с выбитыми пальцами или сорванной трансмиссией. Немцы на границе выстроили основные силы, чтобы не отдать важный стратегический участок. А еще туда поспешно стягивают подкрепление, ведут постоянно огонь на подавление, чтобы даже сунуться страшно было. Какой же все-таки выбрать путь, длинный и более безопасный или короткий, но с риском попасть под массированный обстрел немецкой артиллерии или столкнуться с «тиграми» на линии окопов?

— Ну что, лейтенант, это правильно, конечно, ты с картой тут засел. Местность изучить надо, правда, пока ты тут думаешь, нашу пехоту на

куски разносят немцы, — раздался над головой голос комдива.

Тот уже закончил совещание и направлялся к генеральскому бронемобилю, прикрыв голову папахой с красной лентой.

— Да, товарищ генерал, без разведки сложно выбрать стратегию, не хочется вслепую бросаться.

— Лейтенант, понимаю тебя, людей сохранить хочется, умирать не хочется, — комдив впери в парня жесткий взгляд голубых глаз. — Приказ есть приказ, думаешь, тем, кто там сейчас у немца в клещах оказался, жить не хочется? Они ждут нас, что мы им придем на помощь, и каждый час считают. Пока фашисты в это время туда технику сгоняют. Сейчас еще мост под нашей охраной, перекрыли им там дорожку. Так что, лейтенант, сейчас не только стратегия, но и скорость важна. Пока не укрепились, не окопались противники, мчи во весь опор по дороге. Минуты жизням человеческим равны, помни.

— Есть, товарищ генерал, выполняю приказ, — отрапортовал Алексей и бросился со всех ног к своему экипажу и месту расположения тридцатьчетверок своей роты.

Прав генерал, пока мост закрыт, немцы отрезаны от основных сил, надо брать их скоро-

стью, резкой атакой, а не долгим изматывающим точечным боем. Сейчас у него сработало ложное ощущение спокойствия. В условиях боя, когда поле застлано дымом, со всех сторон рвутся с грохотом снаряды, голова молодого старшего лейтенанта начинает работать словно механизм, просчитывая за секунды самый быстрый вариант. Сейчас нет даже канонады, которая всегда слышна рядом с линией фронта, не визжат пули, над Ленинградом висит непривычная тишина. Поэтому он расслабился, обдумывает операцию размеренно, будто школьник задачку из учебника арифметики. Правда в том, что это не цифры, за ними люди, живые люди, которые умирают сейчас от ран, кричат от страха и ждут, ждут, ждут подкрепления.

Он остановился возле замаскированных под белыми простынями вражеского парашютного шелка тридцатьчетверок и протяжно выкрикнул:

— Рота, стройся.

Танкисты по его приказу высыпали из импровизированной казармы, натягивая на ходу ватники, застегивая воротнички. Его заместитель, старшина Логунов, шагая, убирал за полу куртки томик Шекспира. Утром он пролистал книгу и был так очарован сонетами английско-

го поэта, что взялся переписывать один из них в письмо для Любаши. Хотя обычно короткая осьмушка содержала только отчет, что они с Колей живы и здоровы. Сегодня ему так хотелось поделиться с любимой красотой слогов и строф о любви, что он взялся корпеть, переписывая певучие строки.

Колька, заспанный, одуревший после долгой бессонной ночи, с взъерошенными вихрами, крутил головой, еще не проснувшись и не понимая, что происходит, куда все спешат. Рядом уже стоял, вытянувшись всем своим худым пружиnistым телом, его приятель и соратник по экипажу — Руслан Омаев, младший сержант, радист командирского танка под номером 007. Изящный и невысокий чеченец негласно соревновался с крепышом из Сибири Бочкиным. Равные по возрасту, они всегда ревниво поглядывали, кому больше досталось внимания или похвалы начальства, других членов экипажа. Руслан почти во всех случаях оказывался проворнее. Тогда Колька, выполняя любое задание, брал упорством. Но стоило рядом мелькнуть опасности, их соревнования сразу отходили в сторону, и ребята объединялись против врага, поддерживая друг друга.

Сейчас Руслан, причесанный, выбритый, в свежей форме, косился горделиво на ошарашенного Кольку в перекошенной гимнастерке, со смятой пилоткой в руке. Старательный Руслан с утра уже успел написать письмо невесте, загрузить в танк боеприпасы и под ледяными струями воды оттереться в разгромленной заводской душевой от мазута и масла. Поэтому сейчас так и посматривал свысока на товарища, что всю ночь провел в ремонтной мастерской, а сейчас оказался не готов к внезапному построению.

Соколов замер, ожидая, пока выстроятся его бойцы в неровный ряд, каждого окинул взглядом. В одном только экипаже он был уверен — в членах отделения его танка: Логунове, Бабенко, Бочкине и Омаеве. С ними лейтенант уже третий год воюет, и они не просто подчиненные, а его семья, которой можно доверить любую задачу. Начинал как командир взвода, а теперь командует целой ротой Т-34, при этом всегда прислушивается к их мнению, опыт и сплав таких разных характеров всегда помогают найти решение в трудной ситуации.

Вот и сейчас он решил, пускай каждый из танкистов выбирает себе в команду ребят, воз-

главив экипажи еще двух танков. Он останется с Русланом и Бабенко в родной «семерке», а Василий Иванович и Коля наберут по два человека в свои экипажи. Николай за последние три месяца не отлипал от Бабенко, изучая тонкости управления Т-34. Наводке орудия и другим обязанностям башнера Логунов давно уже обучил пасынка, а в последнем сражении Бочкин показал себя и как хороший командир танкового отделения, ловко управляя с двумя новобранцами тридцатьчетверкой.

— Танкисты, командир дивизии поставил перед нами боевую задачу — пройти через заграждение противника и прийти на помощь роте пехотинцев, которые оказались после прорыва немцев к советским позициям в окружении. Со мной идут только два экипажа, помимо командирского танка. Командирами отделений назначаю старшину Логунова и ефрейтора Бочкина, в машине по три человека вместе с командиром. Идем налегке, без радистов. Через четверть часа сбор группы у выезда с территории завода. Командирам отделений укомплектовать экипаж, проверить техническую готовность машин и боеприпасы. Остальные поступают под командование майора Еременко.